

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ТУРБУЛЕНТНОСТИ: ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ШОКАМ И МОБИЛИЗАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА

ECONOMIC SECURITY IN CONDITIONS OF TURBULENCE: COUNTERACTION TO SHOCKS AND MOBILIZATION ECONOMY

**V. Pogodina
A. Smirnov**

Summary. The article examines the change in approaches to diagnosing and ensuring Russia's economic security under destructive influences of great destructive power, such as the COVID-19 pandemic and the introduction of anti-Russian sanctions. The Strategy of economic security of the Russian Federation for the period up to 2030 was critically analyzed as a normative-legal act that does not fully meet the new challenges. The relevance of such terms as "economic shock", "mobilization economy", which should be included in the conceptual and categorical apparatus of economic security was characterized.

Keywords: economic security, pandemic, sanctions, economic shock, mobilization economy.

Погодина Вера Владимировна

Доктор экономических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный экономический университет
pogodina.vera@yandex.ru

Смирнов Александр Александрович

Доктор экономических наук, профессор, Национальный государственный Университет физической культуры, спорта и здоровья имени П.Ф. Лесгафта, Санкт-Петербург
smirnofprof@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается изменение подходов к диагностике и обеспечению экономической безопасности России в условиях деструктивных воздействий большой разрушительной силы, таких как пандемия COVID-19 и введение антироссийских санкций. Была подвергнута критическому анализу Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года, как нормативно-правовой акт, не соответствующий в полной мере новым вызовам. Была охарактеризована актуальность таких терминов как «экономический шок», «мобилизационная экономика», которые необходимо включать в понятийно-категориальный аппарат экономической безопасности.

Ключевые слова: экономическая безопасность, пандемия, санкции, экономический шок, мобилизационная экономика.

События последних лет в России актуализировали проблематику экономической безопасности на государственном и региональном уровне [1, 5]. Причиной этому стали деструктивные события, вызвавшие серьезные угрозы для социально-экономических систем различного уровня. В 2020 г. страна столкнулась с пандемией коронавируса, которая привела к введению ограничительных мер, характер которых не имели аналогов в истории последних десятилетий. В 2022 г. после начала специальной военной операции на Украине США и страны Западной Европы начали вводить против России экономические санкции, масштаб которых также оказался беспрецедентным. В научном и публицистическом обиходе возникло понятие «турбулентность», характеризующее нестабильность как постоянное условие для экономической деятельности. Другой термин, получающий все большее распространение — «мобилизационная экономика». Становится актуальными вопросы, каким образом можно охарактеризовать мобилизационную экономику, каковы ее основные отличия от прежней экономической модели и механизмы ее реализации.

В этих условиях перед органами государственного управления, обеспечивающими экономическую безопасность, а также перед научным сообществом, возникли две задачи. Во-первых, стало необходимо осмыслить турбулентность как имманентную характеристику экономики России. Ставится вопрос не о поступательном росте экономических показателей как ожидаемом варианте развития, а о разработке сценариев по противодействию широкому спектру рисков и шоков. Обострилась потребность к повышению адаптивности — способности реагировать на возникающие угрозы. Во-вторых, в качестве условия экономической безопасности страны как в краткосрочной, так и в среднесрочной и долгосрочной перспективе, стала выдвигаться мобилизация — не с точки зрения применения вооруженных сил (относящихся к национальной безопасности, но не к экономической безопасности), а с позиции резкого догоняющего и опережающего развития ключевых отраслей экономики, рассматриваемого как условие достойного существования страны на мировой арене.

Кардинальные изменения социально-экономической ситуации привели к тому, что имеющиеся нормативно-правовые документы, регламентирующие мониторинг экономической безопасности страны, фактически потеряли актуальность как руководство к действию. Речь идет, прежде всего, о Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года [6]. В рамках данной стратегии предполагается осуществление Росстатом мониторинга показателей, отражающих уровень безопасности народнохозяйственного комплекса России. На сайте Росстата есть соответствующий раздел — «Показатели для оценки состояния экономической безопасности России» [4], в котором приведены 40 показателей, таких как Индекс физического объема валового внутреннего продукта (ВВП), Уровень экономической интеграции субъектов Российской Федерации, Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом внутреннем продукте и так далее.

Проблема в том, что мониторинг данных показателей не решает проблемы предсказания шоковых событий; также он не предлагает сценарии развития ситуации. Например, расчет уровня экономической интеграции субъектов РФ не может способствовать прогнозированию таких событий, как введение международных санкций.

Складывается ситуация, когда необходимо обновить понятийно-категориальный аппарат экономической безопасности. Видится необходимым обращение к такому понятию как «экономический шок». В статье А.А. Песоцкого и И.О. Мешкова «Расчет влияния экономического шока, вызванного пандемией COVID-19, на российские регионы» [3] приводится следующее определение: «возмущающее кратковременное воздействие, главным образом, деструктивного характера, способное радикальным образом изменить состояние экономической системы». Указанными авторами выделяются признаки экономического шока, позволяющие отделить его от другим деструктивных воздействий (прежде всего, экономического кризиса): экономический шок наносит вред существующему состоянию системы; экономический шок имеет кратковременное воздействие; экономический шок вызывает или способен вызвать радикальные изменения.

Данное определение и характеристики экономического шока видятся актуальными и значимыми как с теоретической, так и с практической стороны. Соответственно, через анализ шоковой специфики деструктивных событий, таких как начало пандемии коронавируса в 2020–21 гг. и введение санкций в 2022 г., можно прийти к формированию инструментария, актуального для улучшения уровня экономической безопасности

и нивелирования тяжелых последствий от возникающих шоков.

Следует различать экономический шок и экономический кризис. Шок представляет собой кратковременное воздействие, в то время как кризис является длительным процессом. Шок может вызвать кризис, который может быть рассмотрен как последствие шока. В научной работе исследовательской сети Фонда Макартуров по выявлению шокоустойчивых регионов в 2011 г. (США) считается, что в случае высокой сопротивляемости шоку (*shock resist*) социально-экономическая система не сходит с траектории роста. Если же система сходит с траектории роста, но восстанавливается, то предполагается, что ей присуща шокоустойчивость (*resilience*) [7]. Существуют и другие подходы к шокоустойчивости, где этот термин трактуется более широко.

Большая дискуссия, возникающая при рассмотрении шокоустойчивости в практической плоскости, связана с тем, можно ли ее превентивно повысить — создать условия, в рамках которых внезапное деструктивное воздействие оказало бы менее разрушительное воздействие, нанесло бы менее ощутимый урон. Природа шока подразумевает сложности в его прогнозировании, что ставит вопрос о том, насколько точные или даже примерные прогнозы его наступления возможны, в принципе.

Второй термин, не рассматриваемый в разработанных до февраля 2020 г. нормативно-правовых актах — мобилизационная экономика. Это понятие еще требует актуальной дефиниции в современных условиях. Некоторые авторы ранее рассматривали мобилизационную экономику как синоним военной экономики, подразумевающей переход страны «на военные рельсы», то есть трансформация гражданских предприятий в структуры военно-промышленного комплекса, а также в структуры жизнеобеспечения населения. Между тем, современные российские авторы иначе подходят к раскрытию термина «мобилизационная экономика», подчеркивая, прежде всего, ее гражданский характер, а не только усиление роли ОПК.

В статье Гришкова В.Ф., Плотникова В.А., Фролова А.О. «Мобилизационная экономика в современной России: теоретические аспекты» [2], вышедшей в 2022 г., мобилизационная экономика делится на «мягкий» и «жесткий» вариант. По мнению данных авторов, в случае мягкого варианта мобилизационной экономики речь идет «о сохранении (на первом этапе) сбалансированности национальной экономики, выравнивании нарушенных в ней из-за введенных внешних санкций пропорций и, в дальнейшем, о переходе к устойчивому экономическому росту при снижении рисков импорто-

Таблица 1. Изменение подходов к экономической безопасности России в условиях глобальной турбулентности

	Традиционный подход	Подход в условиях глобальной турбулентности
Контроль за уровнем показателей, характеризующих экономическую безопасность	+	+
Акцент на противодействии шокам	-	+
Переход к мобилизационной экономике	-	+

зависимости (о приоритете не решения задач импортозамещения, а снижения рисков импортозависимости для современной России, оказавшейся после 2014 года под западными санкциями».

Мобилизационная экономика представляется как смешанная экономическая модель, где присутствует как частный, так и государственный сектор. В этом смысле фундаментальных изменений в социально-экономическом устройстве России ждать не следует. Однако в ходе экономической мобилизации будет возрастать роль государственного управления, которое будет оказывать директивное воздействие, в том числе, на стратегически важные предприятия частного сектора. Переход от государственного регулирования к государственному управлению в ряде отраслей следует рассматривать как один из признаков мобилизационной экономики. Целью такой экономики будет недопущение критического отставания России в видах экономической деятельности, имеющих ключевое значение для нивелирования угроз для народнохозяйственного комплекса страны.

Видоизменение подходов к экономической безопасности России в новых условиях представлено в таблице.

Что касается «жесткого» варианта мобилизационной экономики, то в его основе содержится перестройка всей промышленности России под нужды обороноспособности с переходом от отдельных элементов плановой экономики, которые внедряются на данный момент, к полноценному командно-административному планированию. «Жесткий» вариант мобилизационной экономики может быть активирован в случае возрастания угроз для национальной безопасности из-за перехода к открытому противостоянию с вооруженными силами блока НАТО. На данный момент такой сценарий

рассматривается как возможный, но менее вероятный, чем ситуация, требующая «мягкой» мобилизационной экономики.

В рамках экономической науки мобилизационная экономика представляет собой достаточно размытый термин. Данное понятие появилось в публицистике, в медиа-пространстве, но не в среде чиновников и ученых. В результате возможна различная трактовка такой экономической политики, подверженная демагогии. С точки зрения как научной общественности, так и представителей органов власти различных уровней, а также бизнес-сообщества стоит задача формализации этого термина, формирования его полноценного, непротиворечивого содержания. Сложность данной работы заключается в том, что на протяжении десятилетий перед Россией не стояли столь рельефно геополитические и геоэкономические вызовы, подобные нынешним, поэтому экспертное сообщество не занималось в должной мере данной проблематикой. Ставится вопрос, что понимать под мобилизацией экономики, и чтобы дать ответ на этот вопрос не получиться в значительной степени опираться на современные достижения мировой и российской науки.

В существующих условиях необходимо расширять подход к определению и поддержанию экономической безопасности России, выходить за рамки Стратегии, не отвечающей существующим вызовам. Необходимо двигаться в сторону сценарного подхода к экономической безопасности, когда состояние защищенности оценивается не как удержание в определенных рамках ключевых показателей, а как следование благоприятным сценарием. Сценарии существования и развития могут быть разработаны по отраслям экономики (видам экономической деятельности), что может повысить качество стратегического планирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анохин Л.М., Анохина Н.В., Аркадьева О.Г. Проблемы экономической безопасности: новые глобальные вызовы и тенденции: монография. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2021. 714 с.
2. Гришков В.Ф., Плотников В.А., Фролов А.О. Мобилизационная экономика в современной России: теоретические аспекты // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. № 3 (135). С. 7–13.
3. Песоцкий А.А., Мешков И.О. Расчет влияния экономического шока, вызванного пандемией COVID-19, на российские регионы // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2022. № 1 (68). С. 12–23.
4. Показатели для оценки состояния экономической безопасности России. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/econSafety> (дата обращения 18.11.2022)
5. Поспелов В.К., Ивановская Ж.В., Лещенко Ю.Г. Экономическая безопасность России в условиях глобализации экономики: монография. М.: Перо, 2021. 255 с.
6. Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года. Режим доступа: <https://base.garant.ru/71672608> (дата обращения 18.11.2022).
7. Hill E., Clair T. St., Wial H., Wolman H., Atkins P., Blumenthal P., Ficenec S., Friedhoff A. Economic Shocks and Regional Economic Resilience. Building resilient regions. Institute of Governmental studies. University of California. Working Paper 2011–03.

© Погодина Вера Владимировна (pogodina.vera@yandex.ru), Смирнов Александр Александрович (smirnofprof@mail.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

